

1

ДЯГИЛЬ

Angelica Archangelica, или дудник. Масло корня имеет очень пряный запах и терпкий вкус, используется большей частью в производстве ликеров. Масло семян высоко ценится в парфюмерии благодаря своему тонченному мускусному запаху.

Уже часто так случалось, что Паула *не знала*, как следует дальше строить свою жизнь, но теперь она дошла до того момента, когда жить так она больше *не могла*.

Ее ноги все еще дрожали, она смотрела на дыру в трясине, которой ей удалось избежать только благодаря невероятным усилиям.

Она отвлеклась, увидев роскошные белые орхидеи, которые обвивали ствол мертвого дерева, как удав обвивает свою жертву, и упала в вязкое болото, которое чуть не поглотило ее.

«Если я преодолею это, то стану сильнее, чем прежде», — успокаивала она себя, тяжело переводя дух. «Да, ты определенно станешь сильнее», — шептал голос в ее голове, который надоедал Пауле своими комментариями, когда ей меньше всего это было нужно. «И если ты и впредь не будешь знать меры, — не унимался голос, — то станешь не только такой же сильной, как горилла, но и такой же волосатой». Паула невольно улыбнулась и попыталась взять себя в руки. «Твое решение, твоя жизнь», — бормотала она себе под нос. Она вытерла испачканные тиной руки о свою длинную юбку, о покупке которой все время сожалела. Ей следовало бы сшить штаны, все остальное было в этом дремучем лесу помехой. Совершенно без сил она прислонилась к одному из раскрошенных термитами деревьев. Капли пота стекали с ее лба на подбородок, дыхание медленно восстанавливалось. Она посмотрела вперед, но никого из ее попутчиков не было видно, будто лес проглотил их. «Я могла бы остаться тут, — подумала она, — и со временем истлела бы, как и все здесь, я стала бы единым целым с природой». «И если ты поскорее не продолжишь свой путь, именно так и случится», — предупреждал ее внутренний голос. Однако Паула слишком устала, она истратила последние силы на то, чтобы выбраться из болота. К сожалению, ее левый ботинок, несмотря на все усилия, утонул в болоте вместе с чулком. Она смотрела на свою босую стопу, которая при тусклом свете в лесу слегка блестела; вокруг нее уже кружили мухи. Порыв ветра пронизал ее влажную от пота льняную блузку, и она задрожала.

Паула сделала глоток воды из фляги, которую несла рядом с повешенной через плечо кожаной сумкой. «Я должна догнать остальных, я должна идти дальше».

Вздыхая, она потуже затянула ремешки своего тропического шлема, которые во время падения развязались, затем наклонилась, чтобы рукой отогнать комаров. Даже это незначительное движение далось ей несказанно тяжело, будто трясина высосала мозг из ее костей. Черная вуаль жалости к самой себе окутала ее. Она невольно содрогнулась. Ей хотелось оставить это чувство позади, она приняла решение, у нее был план. Паула встала и поплелась вперед. В этот момент она почувствовала легкое прикосновение на своей влажной спине, слабое дуновение. Заинтригованная, она обернулась.

Облако бабочек размером с колибри порхало вокруг нее абсолютно беззвучно. Их крылья светились голубым в сумерках джунглей, таким серо-голубым оттенком, каким бывает небо в Альпах солнечным днем, таким сиренево-голубым, как лавандовые поля, а некоторые были такими же голубыми, как флаконы, которые она получила в наследство от своей бабушки Матильды. Лазурно-голубыми. Шелковые крылья кружили вокруг нее, навевая воздух, который вдруг перестал пахнуть плесенью и гнилью и, как ей казалось, обрел иную нотку. Голубое облако, постоянно меняя свою форму, переливаясь и медленно паря, постепенно удалилось от нее. Паула пыталась понять, что это был за запах, который источали бабочки, затем на ее лице появилась улыбка. «Это была смелость», — подумала она. Так пахла смелость.

Она выпрямилась, подавила стон и продолжила путь. После падения в трясиину она испытывала боль в пояснице и правом колене. «Это пройдет, — говорила она себе, — это пройдет, эта боль — ничто по сравнению с тем, что ты преодолела, это все лишь физическая боль. Она честная. Лес не выдает себя за то, чем он не является. Здесь тебя ждут сырость, гниль и насекомые, но, однако, и чистая красота».

Ее босая стопа увязла в грязи, которая показалась ей неожиданно мягкой. На какое-то мгновение она почувствовала, как ее что-то щекочет, и практически одновременно с этим ощутила боль, словно от укуса осы, и, прежде чем ей удалось вытащить ногу, она сразу же почувствовала еще один укус, и затем следующий.

Это были пиявки. Нориа предупреждала ее: в этой части Мадагаскара они таились повсюду в глубоких илистых лужах со стоячей водой, и Нориа говорила, что их нельзя отрывать, а нужно подождать, пока они сами не отпадут.

Паула искала дерево, которое было бы достаточно устойчивым, чтобы выдержать ее тощее тело, и похромала туда, села и попыталась оторвать одну пиявку. Но они были настолько жадными и присосались так крепко, что Пауле в ее ослабленном состоянии это не удалось. Смирившись, она решила подождать, пока пиявки не насытятся. Как бы то ни было, это могло занять определенное время, и она надеялась на то, что ее попутчики вскоре заметят ее исчезновение и повернут обратно.

Ей следовало испытать свое терпение. «*Мора-мора*». Вдыхая, она повторила любимое выражение Но-

риа: *мора-мора*, медленно, медленно. Но терпение не было ее сильной стороной, никогда не было. По этой причине она постоянно выводила из себя свою мать, а затем и своего мужа. «Молодую девушку нетерпение так же “украшает”, как и красная помада или проклятие» — это была одна из мудростей, которые ее мать неустанно проповедовала дочери. «Молодая девушка ждет, пока ее не спросят, пока ее не попросят, пока не соблаговолит выслушать ее».

И этот принцип в особенности касался дня рождения Паулы, но не дня рождения ее брата. Только по отношению к ней поведение окружающих было таким, будто о ее дне рождения забыли. Лишь после того, как Пауле удалось взять себя в руки и проявить немалое негодование, она стала получать подарки, которые, к сожалению, были сплошным разочарованием для нее, что она, разумеется, должна была скрывать. Кружевные носовые платочки вместо так страстно желаемого романа «Граф Монте-Кристо» или белые лайковые перчатки вместо уроков верховой езды.

И только однажды все было совсем иначе, а именно, в тот день, когда она впервые увидела голубые флаконы. В первое мгновение, когда Паула увидела их, она подумала о лазуритах, так как у ее матери было кольцо из этих камней, которое ей привез отец из командировки на Байкал. Однако ее мать никогда не надевала это кольцо, так как она предпочитала украшения из граната или гагата в стиле королевы Виктории, вызывающей у нее восхищение.

Но Паула любила лазурь этих камней и украдкой надевала кольцо, когда они с ее старшим братом разыгры-